

Сумерки над деревней

Дарья Лисеева

Дарья Лисеева

Сумерки над деревней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73103078

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник из пяти мистических рассказов с фольклорным звучанием. Для любителей древних деревень, лесов и тёмных историй.

Русская глубинка – не просто леса, болота и старые избы. Это место, где живут древние страхи, забытые поверья и существа, давно стертые из памяти, но не исчезнувшие из мира.

«Сумерки над деревней» – сборник о том, что забытое не исчезло, а хранит свои тайны, дышит и шепчет, стоит лишь прислушаться.

Содержание

От автора	4
Перевертыш	6
Циклоп	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дарья Лисеева

Сумерки над деревней

От автора

Это мои истории. Их цель – жить и находить отклик. Жить в воображении и в памяти каждого, кто осмелится заглянуть за грань привычного мира. Находить отклик в сердцах тех, кто готов слушать. Эти истории — как рассказы в полумраке, что сказываются у печки, когда ночь опускается на лес...

Перевёртыш

Николай, скрипя снегом, двигался по улице в кромешной тьме. Только луч фонаря то и дело выхватывал фрагменты деревни: покосившийся забор, крыши, сугробы по пояс. Постоянное освещение было лишь на окраине деревни со стороны леса – там маленький стационарный фонарь работал от дизельного генератора. Как говорил отец: «От Лесной Нечисти». Ну и ещё в родительском доме сейчас горел свет. Об этом он позаботился заблаговременно, когда уходил к соседям поработать по хозяйству в их отсутствие.

Деревня была небольшой, домов на двадцать, а жилыми среди них оставались только пять. Все перебрались в город, едва такая возможность представилась. И только эти пять семей, включая родителей Николая, оставались постоянными жителями деревни.

А сегодня и эти пять домов пустовали. Хозяева собрались и всеми уехали в город на один день. Был большой повод: праздник у их жительницы, перебравшейся в город в одну из первых волн. День её рождения. Целых сто лет исполнилось бабе Нюре! Все собрали гостинцы и отправились в город на празднование. В своё время деревня была очень дружной, и её жители старались и по сей день не разрывать этой связи. Николай, конечно, отказался от поездки. Сейчас праздненств и больших сборищ ему хотелось меньше всего.

Николай уже с восемнадцати лет жил в городе, и хоть и имел деревенскую закваску, давно был тотально городским человеком. Но наступил кризис. С Леной они разошлись. Он, оказывается, не смог обеспечить ей достойную жизнь. Ей требовалось отношение «как к королеве». Какой смысл Лена в это вкладывала, Николай точно не знал. Хотя, на его взгляд, обеспечивал он её достойно: трудился сисадмином в крупной компании, и уж чего, а денег у них точно хватало. Еду они чаще заказывали, чем готовили, уборку и стирку делал клининг. Куда уж более «королевестее»? Сама работа тоже навевала вопросы: «А на своем ли я месте?». В общем, взяв бессрочный отпуск за свой счёт, Коля перебрался на зиму к родителям. Остудить голову, привести мысли в порядок, занять руки физической работой. Переключиться, так сказать. Приехал он сегодня, бегом увиделся с родителями на пороге: он заходил, они выходили. Получил указания, что сделать к их приезду. Издалека помахал автобусу, куда все соседи-старожилы загрузились весёлой компанией.

И остался в деревне совсем один. Без сотовой связи и без интернета. Максимальный отрыв от цивилизации.

Николай почти вошёл в калитку, как заметил боковым зрением левее от входа черный силуэт, сидящий на лавочке. Он уже было дёрнулся бежать вперёд быстрее в избу, в тепло, в безопасность, но взял себя в руки. Не мужик что ли? Повернулся и направил фонарь в сторону лавки. На лавке сидела баба Клава. В чёрной искусственной шубе, укутанная

платком так, что торчал только нос. Узнал её Николай только по этой шубе и её фирменному платку. Это был её зимний прикид, наверное, с начала времен. Ну по крайней мере с раннего детства Николая, который родился и вырос здесь, точно.

Баба Клава была женщиной строгой, но не злой. Часто угощала его своими чудесными пирогами. Такие даже мать не умела готовить. Но не была чрезмерно весёлой и открытой. Скорее задумчивой и сдержанной.

– Баб Клав! Привет! А ты чего тут? Почему не уехала в гости со всеми? И почему тут сидишь, на морозе?

Шуба зашевелилась, баба Клава почмокала и произнесла:

– Дык... Меня не звали...

Вот те на те, подумал Николай. Ссора что ли какая образовалась? Решив, что это не его дело, Николай просто подошёл к ней поближе и погромче произнёс:

– Баб Клав, пошли в дом! Чаю попьем горячего, да и мать что-то из еды точно оставила.

Шуба задвигалась, заколыхалась, поднялась со скамейки и медленно направилась за Николаем.

Он зашёл в избу, начал раздеваться в предбаннике. Баба Клава замерла на пороге. Николай обернулся.

– Баб Клав, ну чего ты там мнёшься? Заходи уже.

– Дык... Снегу натрясу...

Она посмотрела на свои запорошенные валенки.

– Ой, ну баб Клав, ты серьёзно? Зима на дворе, конечно,

снег. Заходи давай!

Он снова обернулся, она всё ещё переминалась на пороге.

Николай произнёс:

– Вон веник с правой стороны крыльца, смети снег, коль уж так волнуешься, и заходи уже.

Баба Клава покряхтела, кое-как обмелась веником и зашла. Не стягивая валенки, прошла за Николаем в дом.

Они зашли в комнату. Николай двинулся к холодильнику посмотреть, что можно предложить госте. Услышал всхлип. Обернулся. Баба Клава стояла посреди комнаты и пялилась на печку.

– Баба Клава, ты чего?

– У вас п-п-печка? – сдавленно спросила она.

– Ох, ну как печка, не разобрали ещё просто. А так, как у всех уже, отопление – радиаторы от котла, готовим на газу. Просто руки не дошли пока разобрать её. И пространство увеличится, и что она без дела-то стоит. Не пользует давно никто.

Баба Клава будто бы выдохнула.

– Эт правильно, эт правильно...

Вообще она что-то издавала много странных звуков в этот вечер: причмокивала, кряхтела, сопела, всхлипывала. Старость, что тут взять.

Она прошаркала в угол подальше от батареи, тяжело присела на стульчик. Не раздеваясь. Застыла тем же самым тёмным силуэтом, каким Николай увидел её на лавочке.

Он снова двинулся к холодильнику.

Зазвонил телефон.

Сотовый совсем не ловил в этих местах, поэтому жителями было принято решение провести один стационарный телефон на всех оставшихся в деревне жителей. Выбор пал на семью Николая, так как отец выполнял тут роль кого-то вроде старосты.

Николай подошёл к аппарату, поднял трубку:

– Алло.

– Сынок, мы доехали! Сынок, ну как ты там? Сынок?

Это была мать. Помехи, конечно, но в целом слышно было хорошо. Несмотря на такую удаленность.

– О, ма, привет! Всё хорошо, все оставленные на меня дела поделал, жду вас завтра. Я тут с бабой Клавой. Сейчас будем есть да чай пить.

– Сынок, с какой бабой Клавой?

– Ну с нашей, Дороховой, с пятого дома.

Пауза.

– Сынок, ну ты чего! Баба Клава с нами поехала. Куда же мы без неё и её фирменных пирогов?!...

Николай крепко сжал трубку.

Сзади скрипнула половица.

Он резко обернулся.

И закричал.

Циклоп

Все четыре события у Милы случились в один день около года назад. Слегла бабка Авдотья, в деревне невесть откуда появился Циклоп, ранее полную сил Милу стали мучить головные боли, мама помогла купить соседский дом – теперь Мила жила одна. Но обо всё по порядку.

Авдотья, бабка из их деревни, некогда бодрая и даже чрезмерно ретивая, «неудачно оступилась на огороде» и сломала шейку бедра. Случилось всё почему-то ночью... Как это часто бывает с пожилыми людьми, данная травма – прямая дорога к пожизненному лежачему состоянию. Авдотья всегда была деятельной настолько, что даже когда рейсовые автобусы до города отменили, это не помешало ей попутками добираться туда «на погуляки», как она говаривала, и обязательно с ночевкой. Причем на регулярной основе: по два-три раза в неделю. Возвращалась она всегда оттуда, как начищенная монета, прям светилась вся и, казалось, сбрасывала лет пять точно. Соседи, конечно, всегда и удивлялись, и восторгались такой её деятельностью. Откуда в пожилом человеке столько сил? И подтрунивали над ней: «К деду что ль какому-то наведываешься?» Бабка Авдотья отшучивалась и толком ничего не отвечала. Но главное, ей всегда можно было заказать что-то по мелочи, например, лекарства. Детей у неё не было. По меркам деревни она была пришлая, так как

жила тут только лет двадцать. Молодой её из жителей никто не видел.

Циклоп возник в деревне непонятно откуда. Дач и СНТ поблизости не было, деревня была в значительном отдалении от цивилизации. Откуда он явился, было неясно. Ясно было одно – жизнь его потрепала. Это был худющий кот с облезлым хвостом и одним глазом. Второй был полностью поврежден настолько давно, что уже полностью зарос шерстью. Мила любила котов, да и в принципе животных. Спасти замерзающего воробья, выпустить с чердака заблудившегося голубя, принести зимой замерзающей собаке старый тулуп и теплой еды – это всё про неё. Но коты! Коты – это отдельная любовь. Циклоп как-то сразу проникся к Миле. А чувство жалости привязало Милу к Циклопу.

Головные боли и кошмары начались внезапно. Уже не понятно, что там было первым: ночные кошмары и оттого дневные головные боли или дневные головные боли и оттого кошмары. Поездки по неврологам, анализы, МРТ толком ничего не показали. Кончилось всё тем, что Миле прописали антидепрессанты, которые она благополучно отказалась пить и на том смирилась со своей новой участью.

Наконец-то был куплен свой дом. Поблизости от матери, но СВОЙ. Это, конечно, особенная радость: чувствовать себя полноправной хозяйкой, выбирать шторы, шить скатерть, украшать – вдыхать в него жизнь.

Циклоп изначально повадился спать у Милы на голове.

Не то, чтобы ей это мешало, скорее удивляло. Как только кот видел, что она собиралась ко сну, он тут же занимал позицию у кровати, пристально смотрел своим немигающим, единственным глазом и ждал. Когда девушка ложилась и гасила свет, он мгновенно оказывался на подушке и сворачивался «шапочкой».

Кошмары были глубокими и тягучими. Они напоздали как будто бы издалека, медленно, но при этом неотвратно. Ночной ужас всегда развивался по одному сценарию. Мила сидит в доме на стуле за столом, перед ней окно. Сзади медленно натягивает тьма. Это была какая-то очень плотная, густая тень. Что-то холодное касается сначала её макушки, потом ледяные ладони ложатся на голову. И дальше она чувствует, как все силы из неё просто вытекают. В этом сне всегда Циклоп. Он сидит на подоконнике с внешней стороны окна за стеклом. Абсолютно взъерошенный и напряжённый.

Дед Матвей, их ближайший сосед, недолюбливал Циклопа. Он считал, что уродство животного – признак его «бесовской природы».

Мила, конечно же, отмахивалась.

– Это признак людской злобы, – отвечала она ему.

– Всё может быть, – отвечал дед Матвей.

Но нет-нет да всё уговаривал отдать ему Циклопа, чтоб подальше в лес куда его отвезти. Мила не только сурово отказывалась, но и пригрозила деду, что, если он только что-то такое учудит без её ведома, она ему никогда не простит.

Дед вздыхал, но ничего не предпринимал. Однако, зная, какой сон мучает Милу, настоятельно просил её в своем сне не пускать Циклопа домой.

– Ну мало ли, – многозначительно объяснял он.

Мила не очень-то верила в эти штучки, да и не особо понимала, что она может предпринять. В кошмаре у неё практически не было своей воли, только страх, крайняя усталость и полное бессилие.

Была прекрасная сентябрьская погода. Мила поделала все дела, покормила Циклопа, приняла таблетки от головной боли, которые немного притупляли неприятные ощущения, но не избавляли от них полностью, и выдвинулась к бабке Авдотье. Помогать было её прерогативой, так как девушка была самой молодой из деревенских жителей. Остальные здесь были бабки да деды. Доживали свой век, так сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.